

шенно исключало подобную ориентацию форм на земную правду... Это был подлинно идеалистический стиль». ³⁷ «В идеальной сфере служения божеству иконопись должна была вовсе устранить реалистические моменты. Изучение природы, живописная перспектива, пластическая иллюзия — вещи, которые были столь важны для развития западноевропейской живописи, здесь не могли иметь никакого значения». ³⁸

«Живопись древней Руси, — говорит другой автор, — никогда не стремилась к точному отображению действительности, так как ее связь с догмой исключала какой бы то ни было реализм». ³⁹ И еще одно мнение: «древнерусская живопись представляет собою выражение не чувственного, но исключительно религиозного мировосприятия». «Абстракция, сверхъестественное» это — его «внутренняя необходимость». «Его конечная цель очень близка... современному экспрессионизму». ⁴⁰

Впрочем, заметим кстати, и в нашей литературе можно найти мысль о том, что между экспрессионизмом и древнерусским искусством существует сходство целей и что «русский экспрессионизм» находится в некоей исторической связи с искусством древней Руси. В экспрессионизме, читаем у одного автора, «русское искусство, вернее живопись, имеет свою достаточно древнюю и прочную традицию». «Мы имеем в виду, — пишет он, — ряд художественных явлений... образующих некоторую вполне органическую преемственность», начало которой — «византийско-русская древняя живопись (фрески, иконопись, миниатюры)» и т. д. Автор статьи об экспрессионизме поясняет, почему он говорит об этом: «Нам кажется небесполезным... указать на связи экспрессионизма с другими, уже несомненно историческими явлениями и тем самым подтвердить ошибочность сомнений в значительности и общезначимости экспрессионизма». ⁴¹

Никто из советских историков искусства не поддержит в настоящее время ни оценки древнерусской живописи Ф. И. Буслаева, ни формалистических взглядов П. П. Муратова. Однако противопоставление древнерусского искусства действительности, на котором настаивает буржуазное искусствознание, начиная с П. П. Муратова, и объяснения этого противопоставления, по сути своей подобные объяснению Е. Н. Трубецкого, получили у нас довольно широкое распространение в научной литературе, лекционной практике и т. п.

Такое истолкование искусства древней Руси дает, например, А. А. Федоров-Давыдов, ⁴² и его рассуждения можно считать типичными.

По словам А. А. Федорова-Давыдова, в средневековой Руси искусство было поставлено «на службу отрицающим реальность мира... задачам» ⁴³ (не будем обращать внимания на язык приводимых цитат). По самому «существу своему» это — искусство «символическое и условное». Его изображения отвлеченны и представляют собою «лишь чувственно-конкретизированные понятия», «символы в своем овеществлении». Искусство передавало «не конкретное происшествие, а вечно и постоянно происходящий мистический акт» ⁴⁴ (П. П. Муратов писал: древнерусская живопись

³⁷ R. Jagoditsch. Das Wesen der altrussischen Ikonenkunst, стр. 22—23. Ср. также: F. W. Halle. Altrussische Kunst, стр. 4.

³⁸ R. Jagoditsch. Das Wesen der altrussischen Ikonenkunst, стр. 28.

³⁹ F. Nemitz. Die Kunst Russlands, стр. 90 и 104.

⁴⁰ F. W. Halle. Altrussische Kunst, стр. 4.

⁴¹ М. И. Фабрикант. К стилистике экспрессионизма. Искусство, т. IV, кн. 1—2.

2. Изд. Гос. академии художественных наук, М., 1928, стр. 17—19.

⁴² А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. Искусство, 1941, № 5, стр. 74.

⁴³ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 74.

⁴⁴ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 74.